

В общественном управлении населения двух Чуйских (Таутеутских) волостей, до их присоединения к России, имелись некоторые отличия. По наблюдениям П. Чихачева, посетившего Чуйскую степь в 1842 г., в руках зайсанов Чуйских волостей сосредоточивалась, помимо права назначать демичей, шуленгов и бошко (соответствовал должности арбанака [Луценко 1898: 18]), «почти вся административная и судебная власть, и они только в редких случаях прибегают к посредничеству высшего начальства» [Чихачев 1974: 420]. Все внутренние дела в волостях (кошунах) чуйские зайсаны решали под формальным контролем цинских (китайских) чиновников, навевывавшихся на ближайший пограничный пикет Суок. Двойственное политическое положение чуйских теленгитов обязывало их выполнять ряд обязательств и по отношению к российскому правительству. Помимо внесения в Бийское окружное казначейство натуральной подати (*калан*), зайсаны и демичи заботились о спокойствии и порядке на своих кочевьях; при необходимости предоставляли российским чиновникам лошадей, обеспечивали безопасность и охрану имущества россиян, находившихся на их кочевьях [Радлов 1989: 126-128, 130].

Таким образом, с введением Устава 1822 г. в общественной жизни алтайских кочевников произошел ряд изменений. Прежде всего, коренное алтайское население было отнесено к особому податному сословию «инородцев» (разряда кочевых) с определенными правами в общественном самоуправлении и обязательствами перед государством в сфере податей. Деятельность родовых управлений кочевого населения была поставлена под контроль Бийского окружного начальства. Должностные лица кочевых волостей и дючин постепенно лишались своих ранее существовавших привилегий. В ходе внедрения Устава 1822 г. была предпринята попытка определения границ земельных наделов каждой административной единицы – дючины и волости. Хотя на карте были отмечены внешние границы территории семи дючин, но межевые работы не проводились. Незавершенность реформы по Уставу 1822 г. в дальнейшем привела к путанице и обострению земельных отношений между кочевниками и оседлым (крестьянским, инородческим) населением Горного Алтая.

1.1.3 Кочевники Горного Алтая после реформы

М.М. Сперанского

Изменение численности и состава кочевого населения. Во второй четверти XIX в., как и в предыдущий период, наблюдается постоянный рост численности населения Горного Алтая (табл. 8). За период с 1823 по 1859 гг. численность алтайского населения Горного Алтая возросла в 1,87 раза (с 9,4 тыс. до 17,6 тыс. человек). Особенностью данного периода является влияние на демографические процессы в регионе нового контингента – оседлых «инородцев», приписанных к управам.

Таблица 8

Численность алтайского населения Горного Алтая, 1823-1859 гг., тыс. человек

Административные единицы	1823 г.	1832 г.	1859 г.
Алтайские дючины	6,36	7,9	11,6
Чуйские волости	0,75	1,0	1,5
Черневые волости	1,65	2,0	2,8
К.-Шелкальская	0,21	0,3	0,5
В.-Кумандинская	0,42	0,3	0,6
Н.-Кумандинская	1,07	1,0	1,6
По всем	10,46	12,5	18,6
По сопоставимой	9,39	11,5	17,6

Источники: РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. ГАТО. Ф. 196. Оп. 36. Д. 24; Список 1868: 63-65, 72.

Анализ статистических материалов позволяет утверждать, что увеличение численности населения в кочевых дючинах и волостях происходило преимущественно на основе естественного прироста.

Общая тенденция в изменении полового состава населения Горного Алтая рассматриваемого времени заключалась в постепенном выравнивании удельного веса мужчин и женщин за счет уменьшения численности первых из них. По данным на 1832 г., удельный вес мужчин в составе населения Горного Алтая составлял 53,2% [РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042]. Как и в начале XIX в. численность мужчин была больше, чем женщин. Данные о возрастной структуре населения Горного Алтая также весьма отрывочные. В 1832 г. из 4100 мужчин, учтенных ясачной комиссией, 51,2% были в возрасте до 17 лет, 40,1% – от 18 до 50 лет и 8,7% – в возрасте 50 лет и старше [РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042]. Таким

образом, к середине XIX в. половозрастная структура населения Горного Алтая стала благоприятной в силу высокого удельного веса молодых возрастов и соотношения мужчин и женщин. Такая демографическая ситуация способствовала росту алтайского населения горного региона.

Во второй четверти XIX в. среди кочевников наблюдался незначительный рост численности крещеного населения. Так, по данным на 1832 г., из 11,2 тыс. человек крещение приняли только 58 человек (0,5%), а на 1860 г. – 66 человек [РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042; Ф. 1265. Оп.13. Д. 41а]. Следовательно, абсолютное большинство алтайских кочевников являлись «язычниками» (шаманистами).

Статистические данные свидетельствуют о неуклонном росте численности населения всех племенных групп алтайского населения Горного Алтая (табл. 9). Основная масса населения относилась к алтайцам-ойротам. В период с 1823 по 1859 гг. их численность возросла почти в 2 раза, а удельный вес – на 1,7%. Доля теленгитов и чалканцев возросла соответственно на 1,4 и 1,7%, а тубаларов и кумандинцев, наоборот, снизилась.

Таблица 9

Коренное алтайское население Бийского округа, тыс. человек

	1823 г.		1832 г.		1859 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Алтайцы-ойроты	6,3	60,6	7,9	63,2	11,6	62,3
Теленгиты	0,7	6,7	1,0	8,0	1,5	8,1
Тубалары	1,6	15,4	2,0	16,0	2,8	15,1
Кумандинцы	1,5	14,3	1,3	10,4	2,2	11,8
Чалканцы	0,1	1,0	0,3	2,4	0,5	2,7
Всего	10,4	100	12,5	100	18,6	100

Источники: РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042; ГАТО. Ф. 196. Оп. 36. Д. 24; Список 1868: 63-65, 72.

Начало перехода от кочевничества к оседлости. Общая тенденция перехода части алтайских кочевников к оседлости нашла отражение в изменении типов их жилища (табл. 10). По сведениям ясачной комиссии, в 1832 г. единственной формой жилища алтайского населения Горного Алтая оставалась юрта. Среди кочевников алтайских дючин преобладали войлочные юрты (около 72%). Но некоторое исключение составляла 1-я алтайской дючины, где их доля не превышала 20%. Однако среди населения алтайских дючин ощутимым стало наличие берестяных или корьевых юрт

(18%). В черневых волостях небольшое число войлочных юрт отмечено только в Комляжской волости. Вообще среди населения волостей северной части Горного Алтая преобладали берестяные юрты (свыше 79%), но заметной стала доля (19%) деревянных юрт. В материалах ясачной комиссии 1832 г. отсутствуют сведения о жилищах жителей двух чуйских волостей (поскольку они еще не являлись российскими подданными), но по более поздним источникам, преобладали войлочные юрты.

Таблица 10

Типы жилища алтайского населения Горного Алтая, 1832 г.

Дючины, волости	Всего жилищ	Юрты					
		Всего		Войлочные		Берестяные	Деревянные
	Абс.	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	Абс.
1-я дючина	250	250	100	50	20,0	200	-
2-я дючина	180	180	100	140	77,78	40	-
3-я дючина	150	150	100	150	100	-	-
4-я дючина	390	390	100	370	94,87	20	-
5-я дючина	330	330	100	230	69,70	100	-
6-я дючина	90	90	100	60	66,67	30	-
7-я дючина	170	170	100	120	70,60	50	-
По семи дючинам	1560	1560	100	1120	71,80	440	-
Комляжская	210	210	100	10	4,76	200	-
Кергежская	90	90	100	-	-	90	-
Кузнецкая	65	65	100	-	-	40	25
Южская	70	70	100	-	-	70	-
К-Шелкальская	60	60	100	-	-	[40]	[20]
В-Кумандинская	60	60	100	-	-	-	60
По шести волостям	555	555	100	10	1,8	440	105
По всем	2115	2115	100	1130	53,4	880	105

Источник: РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042.

Итак, изучение конкретных данных показало, что на протяжении второй четверти XIX в. численность алтайского населения и его основных племенных групп неуклонно росла. В это время наблюдается переход части алтайских кочевников к полукочевому и оседлому образу жизни. Горный Алтай оставался малонаселенной окраиной России. Поэтому на демографические процессы в регионе оказывал влияние приток переселенцев – русских крестьян и оседлых «инородцев» из соседних регионов Сибири.

Землевладение и порядок расселения кочевников. Во второй четверти XIX в. земельные отношения в Горном Алтае формально основывались на положениях Устава 1822 г. Приток крестьян, мещан и других категорий населения на территорию горного региона шел по двум направлениям: вольной крестьянской и правительственной. Второе направление выразилось в образовании сел русских крестьян, приписанных к горнозаводским предприятиям Кабинета, и оседлых «инородцев», а также оседлых селений крещенных «инородцев», подведомственных православной миссии РПЦ. Но значительная часть русских крестьян и оседлых «инородцев», в основном жителей предгорных селений Бийского и Кузнецкого округов, продолжала переселяться на земли кочевников в самовольном порядке и лишь изредка селились по приемным приговорам родовых управлений дючин и волостей [Швецов 1900: 1-2]. В целом, процесс крестьянского переселения и захватного пользования землями кочевников стал заметным фактором, введшим путаницу в земельные отношения.

Права сибирских народов («кочевых инородцев») на занимаемые ими земли определялись статьями 26, 27 и 28 Устава 1822 г. Согласно статье 26, «кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владения земли»; в статье 27 определено: «Подробное разделение участков сих земель зависит от самих кочующих по жеребью или другим их обыкновениям». А в статье 28 отмечалось: «Утверждаются во владении кочующих земли, ныне ими обитаемые, с тем, чтобы окружность, каждым племенем владеемая, была, по распоряжению местного начальства, подробно определена», «подобное разделение участков сих земель зависит от самих кочующих по жеребью или другим их обыкновениям». А в статье 28 отмечалось: «Утверждаются во владении кочующих земли, ныне ими обитаемые, с тем, чтобы окружность, каждым племенем владеемая, была, по распоряжению местного начальства, подробно определена» ПСЗРИ 1830: 396].

Возникает вопрос: в какой степени указанные статьи Устава 1822 г. были реализованы применительно к землепользованию кочевников Горного Алтая? Анализ исторической литературы показывает, что данный вопрос был обойден вниманием исследователей и только в монографии С.П. Швецова приводятся отрывочные сведения.

По имеющимся в нашем распоряжении архивным документам, в ходе ясачной переписи 1823 г. была предпринята

попытка определения численности податного населения сословия инородцев по волостям и дючинам Бийского округа, с указанием их мест кочевок (табл. 11).

Таблица 11

Численность податного населения сословия инородцев в Бийском и Кузнецком округах, 1823 г.

Бийский округ	Число душ инородцев		
	оседлых	кочевых	бродячих
Волости разряда кочевых инородцев			
Кондомско-Шелкальская волость (Кузнецкий округ):			
улусы Кондомско-Шелкальский и Осинники	-	74	-
селения по р. Бие (Лебеди)	-	52	-
Всего		132	-
Нижне-Кумандинская волость (население кочует по р. Бия, Пильна, Барда, Чепче и Кубие)	-	444	-
Причислено	42	-	-
Верхне-Кумандинская волость (население расположено в разных местах в верх по берегу р. Бии.	-	133	-
Кузенская волость (по притокам р. Бии)	-	133	-
Кергешская волость (в верховье р. Бии, около Телецкого озера)	-	173	-
Комляшская волость (по р. Сара Копша, Уймень, Черная Иша)	-	328	-
Южская волость (по р. Катунь, Чемал)	-	95	-
Дючины разряда бродячих инородцев			
1-я дючина (население расположено по р. Найма, Билюла, Катунь, Сема)	-	-	386
2-я дючина (по р. Урсул, Кенга, Кырлык)	-	-	290
6-я дючина (по р. Урсул, Тоботой)	-	-	130
Причислено	42	-	-
4-я дючина (по р. Ануй (верховье), Кан, Эбаган, Песчаная, Отогол, Кокет и Бия)	-	-	701
5-я дючина (по р. Ануй (верховье), Кан, Эбаган, Урсул, Карагол/Барангол)	-	-	515
7-я дючина (по р. Урсул, Карагол/Барангол)	-	-	315

3-я дючина (по р. Ануй (верховье), Кан, Эбаган, Имеген и Ебегон)	-	-	230
Всего	84	1438	2567

Примечание. В трех соседних деревнях (Быстринская, Березовская, Уймонская) русской Смоленской волости и в улусе Кокшинский учтено также 310 оседлых инородцев. Названия рек и речек оставлены без изменения.

Источник: ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 54. Л. 62-64.

Вследствие жалобы, поданной зайсанами семи дючин сенаторам Безродному и князю Куракину (они проводили ревизию Западной Сибири), о «причиняемых русскими крестьянами стеснениях в пользовании пастбищами и звериным промыслом», Главной чертежной правления Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1827 г. была установлена новая граница кочевков алтайцев от левобережья р. Катуня до верховьев Чарыша и Коксу. Граница алтайских кочевий, утвержденная в 1831 г. Главным начальником Кольвано-Воскресенских горных заводов и одновременно томским гражданским губернатором Е.П. Ковалевским, выглядела следующим образом: «с восточной стороны река Катунь; от оной в прямую почти линию к западной стороне, что будет с севера, близ назначенной грани стоят: 1) деревня Усть-Чергинская, 2) далее от оной жилища кузнецких татар и гора Плешивая, за гранью лежащая; 3) устья речек Черневого Ануй и Дрозговитой, впадающей в р. Ануй, 4) гора Бутачиха, за гранью стоящая; с западной стороны главные пункты близ граничной черты находятся: 1) чернь Заячья, лежащая по обе стороны грани и далее белки Башцелакские, через кои грань положена, 2) пристань Коргонская и деревня Чечулиха, стоящая при устье речки Чечулихи, впадающей с правой стороны в р. Чарыш и 3) речка Хаир Кумир, впадающая с левой стороны то же в р. Чарыш; с южной стороны река Кокса, впадающая с левой стороны в р. Катунь» [Швецов 1900: 130-131]⁴.

В материалах ясачной комиссии 1832 г. имеются сведения о примерном расположении алтайских дючин и волостей, которые приводятся ниже. **Первая** алтайская дючина была смежной с

4 По существу, указанная внешняя черта стойбищ алтайских кочевников почти совпадает с административной границей современной Республики Алтай по левобережью Катуня.

русской Алтайской волостью (на севере), Комляжской, Кергешской, Южской волостями (на востоке), 2-й дючиной (на юге) и с 4-й дючиной (на западе). Собственные кочевья «инородцев» 1-й дючины располагались при р. Катунь (пр. Узнезя, Куном, Лекпунар (Лепкунар), Чамал, Эжаган, Пий), Сема (пр. Муйта, Акюл, Черга, Камлак, Акташ, Умурла), Найма (пр. Сайдыс) и др. Кроме того, некоторая часть кочевников 1-й дючины к тому времени перешла («самовольно») на земли, принадлежащие другим дючинам: по р. Онос, Еланда, Улала, Булюла, Турлапсак (Урлуаспак), Имери, Сегульта, Тунджа, Банчурек (Манчурек), Кан, Эбаган и т.д.

Другие алтайские дючины располагались в следующем порядке. **Вторая** дючина смежная с 1-й дючиной (на севере), 5-й дючиной (востоке), 6-й дючиной (юге) и с 4-й дючиной (на западе). Свои кочевья при р. Урсул (пр. Кеньга, Талда, Тоботой) и др.; некоторые кочевники 2-й дючины жили на других землях, по р. Угар, Каерлык, Ело, Каракол, Чарыш (верховье), Карырук, Эбаган, Кан, Ануй (верховье), Сема, Абай, Коксу, Уймон, Песчаная. **Шестая дючина** смежная со 2-й дючиной (на севере), 7-й дючиной (востоке), русской Бухтарминской волостью (юге) и с 3-й дючиной (на западе). Собственные кочевья при р. Каерлык, Урсул (пр. Коргоба) и др.; некоторые кочевники 6-й дючины жили на других землях – по р. Тюмечин, Карагол, Угар, Эбаган, Тулайта, Чакыр, Уймон, Сугаш, Абай, Коксу, Песчаная. **Четвертая дючина** смежная с Алтайской волостью (на севере), 1-й и 2-й дючинами (востоке), 3-й дючиной (юге) и с русской Кольванской волостью (на западе). Свои кочевья при р. Чарыш (пр. Эбаган, Кан), Песчаная, Урсул и др.; часть кочевников 4-й дючины жила по р. Ануй (верховье), Черга, Сема, Каспа, Елада, Улегемон, Абай, Коксу, Уймон. **Пятая дючина** смежная с 1-й дючиной (на севере), владениями двоedanцев (на востоке), 7-й дючиной (юге) и со 2-й дючиной (на западе). Собственные кочевья при р. Катунь (пр. Сюмульта), Урсул (пр. Талда, Туякта, Курота), Чарыш (верховье) и др.; часть кочевников жила в других местах, при р. Каерлык, Тоботой, Угар, Кеньга (Теньга), Каракол, Каспа, Ашияхта, Ежеган, Эбаган, Чакыр, Шибета, Кан, Адахан, Ануй (верховье), Сугаш, Коксу, Уймон и др. **Седьмая дючина** смежная с 5-й дючиной (на севере), владениями двоedanцев (на востоке), Бухтарминской волостью (юге) и с 6-й дючиной (на западе). Свои кочевья при р. Катунь (верховье), Карагол, Уймон и др.; часть кочевников жила по р. Улегомен, Элету, Урсул, Кеньга, Каерлык,

Эбаган, Сема, Черга, Тыткескен, Куюм, Елада, Пий. Наконец, **третья дючина** смежная с 4-й дючиной (на севере), 6-й дючиной (востоке), Бухтарминской волостью (юге), Кольванской и Крутоберезовской волостями (на западе). Собственные кочевья при р. Чарыш (пр. Кан, Атактан), Ануй (верховье) и др.; часть кочевников 3-й дючины жила по р. Эбаган, Кырлык, Абай, Песчаная, Муйта и др.

Шесть кочевых волостей бассейна р. Бии и Иши размещались в таком порядке. **Комляжская волость** смежная с Южской, Кузенской волостями (на севере), Кондомо-Шелкальской волостью (на востоке), Кергежской волостью (на юге) и с 1-й алтайской дючиной (на западе). Собственные кочевья располагались при р. Бия (пр. Сары-Копша, Уймень, Толуй), Иша и др. Население этой волости, перешедшее в чужие земли, имело кочевья при р. Пыжа, Катунь, Карагуж, Улала, Чамал, Юнчек, Бельгир, Лекпунар, Сема, Черга, Урсул, Чарыш (верховье), Песчаная, Каменка и др. **Кергешская волость** – с Комляжской вол. (на севере), Кондомо-Шелкальской вол. (на востоке), владениями двоedanцев (на юге) и с 1-й алтайской дючиной (на западе). Свои кочевья при р. Бия (пр. Пыжа), Иша, озере Телецком и др.; некоторые жили при р. Сары-Копша, Найма, Катунь, Чарыш (верховье). **Южская волость** – с Комляжской вол. (на юге), 1-й алтайской дючиной (на западе), Верхне-Кумандинской вол. (на севере) и с Кузенской вол. (на востоке). Собственные кочевья при р. Сары-Копша, Кара-Копша, Иша и др.; некоторые имели кочевья при р. Ынырга, Улала, Карагуж, Катунь, Кеньга, Чарыш (верховье), Песчаная. **Кузенская волость** – с Комляжской вол. (на юге), Южской вол. (западе), с Верхне-Кумандинской вол. (севере) и с Кондомо-Шелкальской вол. (на востоке). Свои кочевья при р. Бия, Сары-Копша и др.; часть населения волости жила при р. Толуй, Иша, Барда, Кожа, Карагуж, Сема, Камлак, Катунь, Ануй (верховье). **Верхне-Кумандинская волость** – с Нижне-Кумандинской вол. (на севере), Кондомо-Шелкальской вол. (востоке), Южской и Кузенской вол. (юге) и с Алтайской вол. (на западе). Собственные кочевья располагались при р. Бия (пр: Ульмень, Емнегеч) и др.; также жили при р. Иша, Коя, Богучак, Кожа, Сайлап, Кобие, Чепча и Тайна.

Ясачная комиссия 1832 г. установила также примерные размеры площадей земельных угодий кочевых дючин и волостей Горного Алтая (табл. 12 и 13). Эти сведения очевидно основаны на материалах проектирования 1827 г.

Таблица 12

Площади территорий кочевых волостей и дючин Горного Алтая, 1832 г.

Дючины	Примерная площадь, кв. верст	Волости	Примерная площадь, кв. верст
1-я Алтайская дючина	17500	Кондомо-Шелкальская	5000
2-я Алтайская дючина	7500	Верхне-Кумандинская	2500
3-я Алтайская дючина	12000	Кузенская	5500
4-я Алтайская дючина	18000	Южская	6000
5-я Алтайская дючина	16000	Комляжская	12000
6-я Алтайская дючина	5500	Кергешская	9000
7-я Алтайская дючина	15000	Всего по волостям	40000
Всего по дючинам	91500	Итого	131500

Источник: РГИА. Ф. 468. Оп. 9г. Д. 1042.

Таблица 13

Площади угодий кочевых волостей и дючин Горного Алтая (кв. верст), 1832 г.

	Покосы и пастбища	Охотничьи	Пахотные	Рыболовные, на реках и озерах
1-я Алтайская дючина	10000	2500	50	20
2-я Алтайская дючина	6500	500	5	10
3-я Алтайская дючина	7500	1500	5	10
4-я Алтайская дючина	12000	2500	15	15
5-я Алтайская дючина	11000	2000	10	10
6-я Алтайская дючина	3000	1000	5	10
7-я Алтайская дючина	7000	3000	10	15
Всего по дючинам	57000	13000	100	90
Кондомо-Шелкальская	30	3500	15	60
Верхне-Кумандинская	80	1500	40	10
Кузенская	100	3000	20	15
Южская	70	4000	50	10
Комляжская	300	7500	30	10
Кергешская	200	5500	25	25
Всего по волостям	780	25780	180	130
Итого	57780	38780	280	220

Источник: РГИА. Ф. 468. Оп. 9г. Д. 1042.

Из вышеприведенных таблиц устанавливается, во-первых, что наиболее крупные размеры площадей имели первая, четвертая, пятая, седьмая и третья алтайские дючины и Комляжская волость (от 18 до 12 тыс. кв. верст). Во-вторых, в земельной площади алтайских дючин, расположенных в южной горностепной части Горного Алтая, преобладали пастбища, охотничьи и отчасти сенокосные угодья, а в кочевых волостях, занимавших северную горно-таежную часть региона – охотничьи угодья. Хлебопахотные земли в дючинах и волостях занимали мизерную часть.

Выше описанный порядок землевладения и расселения алтайских кочевников в определенной мере сохранялся до середины XIX в. В дальнейшем указанный порядок землевладения кочевников заметно нарушился в связи с усилением притока переселенцев в Горный Алтай после отмены крепостного права в России. В Алтайском горном округе Кабинета отмена крепостничества выразилась в форме освобождения от обязательной трудовой повинности горнозаводских рабочих и крестьян, приписанных к горнозаводским предприятиям. К 90-м гг. XIX в., по мнению С.П. Швецова (изучавшего изменения в землепользовании алтайских кочевников), «никаких границ, которые разделяли бы их [жителей дючин, волостей – Н.Е.] между собой, нет, и даже граница 1827 года, которая имела в виду обособить земли семи дючин, в действительности нет никакой, по крайней мере, её никто не знает...» [Швецов 1900: 136]

Развитие скотоводства. В конце XVIII в., после перехода к мирной жизни, началось восстановление скотоводства – главной отрасли кочевого хозяйства алтайцев. Основными видами скота у них были лошади, крупный рогатый скот и овцы. В начале XIX в. восстановление поголовья скота в алтайском хозяйстве шло, помимо внутренних ресурсов, путем обмена и покупки у соседей – чуйских теленгитов (лошадей, коров, овец), русских крестьян и казаков предгорных селений и станиц (коров и телят) [Горохов 1840; Потанин 1859].

Обратимся к путевым запискам путешественников, где имеется описание порядка содержания скота. Одно из ранних сведений приводит Г. Спасский, посетивший в 1806 г. долину р. Кан. Вот что он писал: «От устья Кана простирается гладкая равнина, одетая мелкою, так называемую кипечною травую, составляющею лучший корм для скота. Хозяева владеют большими табунами лошадей и

еще большими стадами рогатого скота, которые паслись близ самых юрт, и в которых состоит все богатство их. Скот даже зимою ходит на воле и сам себе достает корм, разгребая снег копытами. Только для мелкого или больного скота запасают сено, подрезывая траву ножом и развешивая её для просушки на деревьях» [Спасский 2004: 18-19]. Некоторые подробности о содержании скота описаны в очерке А. Горохова: «Разводят лошадей, рогатый скот и овец. На прокорм телят, молодняка коз и овец, которых зимою содержат в юртах, калмыки [алтайцы – Н.Е.] косят сено в самом малом количестве; для сбережения же, связывая его длинными веревками, вешают на сучьях высоких деревьях. Из таких запасов дают понемногу сена, только в крайних случаях, телятам и овцам, когда они, из-за глубокого снега, не могут доставать себе корма; прочая скотина достает себе сама, в горах, близ речек и болот, траву кипец, или питается тальником, либо глинистою землею, называемую солонцом» [Горохов 1840: 209-210]. В дневнике А. Бунге за 1826 г. о скотоводстве той же долины р. Кан отмечено следующее: «... скот, потребляющий солончаковый глинистый сланец, чрезвычайно упитан и сам делает себе запас на черный день зимой. Запас этот содержится у овец в курдюках, достигающих к осени значительных размеров. То же, что с курдюками, происходит и с горбами у верблюдов...» [Бунге 2004: 274-275]. В целом, в хозяйстве кочевого населения основное поголовье скота не обеспечивалось сеном, поэтому зимой содержалось на подножном корме. Следовательно, скотоводство было подвержено большим угрозам и периодически происходил падеж тысяч голов скота из-за снежной зимы, поздней весны и гололедицы. Такие массовые падежи скота от бескормицы и эпидемий (чумы) случались периодически, например, в источнике упомянута большая потеря скота в 1825 г. [Бунге 2004: 265]. Судя по записям В. Радлова, в середине XIX в. содержание скота и заготовка сена на зиму в кочевых хозяйствах не претерпели существенных изменений [Радлов 1989: 145-146].

Одним из основных отраслей алтайского скотоводства было коневодство. Косяки лошадей зимой паслись в низинах горных долин, а летом – на высокогорных пастбищах. Наиболее благоприятными для коневодства была территория по левобережью Катуня (долины рек Ябогана, Кана, Кырлыка, Абая, Урсула, Песчаной, Уймон) и верховье долины р. Чуи. Лошади использовались как средство передвижения и тягловая сила. По наблюдениям Г.Н. Потанина,

в середине XIX в. алтайские («калмыцкие») лошади считались в селениях по предгорью Алтая «лучшими ломовыми лошадьми» [Потанин 1859: 94]. В пищевом рационе алтайцев кумыс и конина занимали значительное место.

В алтайском скотоводстве вторым по значимости был крупный рогатый скот (КРС). В середине XIX в. КРС алтайцев считался лучшим в Томской губернии, например, из туши быка получали 15 пудов мяса и до 4 пудов сала [Потанин 1859: 94]. Основное поголовье КРС было сосредоточено в хозяйствах по левобережью Катуня вплоть до верховьев Чарыша и Ануя. Третьим основным видом скота являлись овцы. Овцеводство было развито по левобережью Катуня и в Чуйском районе (долины Чуи и Башкауса). В черневом районе (долины Би, Иши) и по правобережью Катуня (от р. Сумульги до Наймы) овцеводство практически отсутствовало. К основному продукту овцеводства, наряду с бараниной и овчиной, относилась стриженная шерсть, которая шла на изготовление кошмы, арканов, узд и другой домашней утвари. Кочевники Горного Алтая, кроме указанных видов скота, разводили коз, яков и верблюдов. Последние два вида скота были распространены в верховье долины р. Чуи.

Таким образом, к концу первой трети XIX в. поголовье всех видов скота заметно возросло (табл. 14). В структуре стада животных кочевников семи дючин доминировали лошади (39,23%), овцы (31,2%) и крупный рогатый скот – КРС (21,08%), а в остальных шести волостях скотоводство, в силу его неразвитости по природным условиям, было представлено только лошадьми (64,2%) и КРС (35,8%). Следует отметить, что в данные за 1832 г. не вошли сведения о поголовье скота в двух чуйских волостях.

Таблица 14

Поголовье животных в хозяйствах алтайских кочевников, 1832 г.

Алтайские дючины и волости	Лошади	Рогатый скот			Собаки охотничьи/домашние
		Овцы	Козы	КРС	
Поголовье животных (приблизительно)					
1-я дючина	3500	1500	140	150	20/200
2-я дючина	6000	3000	6000	1000	50/100
3-я дючина	4000	2000	3500	500	20/130
4-я дючина	8000	5000	6000	3000	50/400
5-я дючина	6500	4000	6000	2000	20/350

6-я дючина	1500	1000	2000	500	10/80
7-я дючина	4000	1500	3000	100	30/140
Кузенская	120	100	-	-	20/40
Южская	100	50	-	-	10/40
Комляжская	300	150	-	-	50/250
Кергешская	200	100	-	-	10/20
Верхне-Кумандинская	80	50	-	-	40/-
Кондомо-Шелкальская	25	10	-	-	100/-
Дючины и шесть волостей	34325	18460	26640	7250	430/1750
Тогульская 2-я половина	200	100	150	-	20/-
Нижне-Кумандинская	400	200	20	-	40/60
ИТОГО	34925	18760	26810	7250	490/1810
	Прирост поголовья скота, в хороший и «худой» годы				
1-я дючина	600-300	500-300	100-50	-	-
2-я дючина	1000-500	1000-500	4000-2000	-	-
3-я дючина	800-300	700-400	2000-1000	-	-
4-я дючина	1500-700	1500-800	3000-2000	-	-
5-я дючина	1000-600	1500-700	3500-2000	-	-
6-я дючина	300-150	250-100	1000-500	-	-
7-я дючина	700-300	500-200	1500-1000	-	-
Кузенская	20-10	50-25	-	-	-
Южская	20-10	50-10	-	-	-
Комляжская	70-30	60-25	-	-	-
Кергешская	50-25	40-25	-	-	-
Верхне-Кумандинская	20-10	20-10	-	-	-
Кондомо-Шелкальская	С. н.	С. н.	-	-	-
Дючины и шесть волостей	6080-2935	6170-3095	15100-8550	-	-
Тогульская 2-я половина	50-25	50-25	100-50	-	-
Нижне-Кумандинская	100-50	100-50	20-10	-	-

ИТОГО	6230-3010	6320-3170	15220-8610	-	-
--------------	-----------	-----------	------------	---	---

Источник: РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 583

Земледелие. Переходя к земледелию у алтайских кочевников следует отметить, что оно являлось источником жизнеобеспечения, по меньшей мере, с джунгарского (ойротского) времени, на что указывают состав традиционных злаковых культур, орудия, приемы обработки земли и система орошения посевов. В южной горностепной части Горного Алтая (долины Катуня, Урсула, Песчаной, Ануя, Чолушмана, Башкауса, Чуи, Аргута и др.) сохранились остатки старых оросительных каналов. В начале XIX в., по мере налаживания мирной жизни, алтайцы стали возобновлять эти каналы (*суак, субак*) и орошать небольшие участки пашен и сенокосов. В северной горно-таежной части региона существовало богарное земледелие.

Обратимся к сведениям о состоянии земледелия. «Землю пахут сохами об одном сошнике, или вскапывают абылами (заступ), засевая ячменем и пшеницею не более, сколько нужно для собственного пропитания. Хлеб меряют сумами и тулунами, сшитыми из кож», – писал Г. Спасский [Спасский 2004: 23]. В путевом дневнике А. Бунге отмечено: «В долине Большого Улегумена, свободные участки нередко возделаны. Выращивают яровую рожь, пшеницу и особенно ячмень... Поля эти, конечно, невелики и редко больше 50 шагов в длину и ширину; их вскапывают лопатой, засеивают, затем пропалывают и подводят к ним воду. Удивительно, как много труда требуется для возделывания этих крохотных делянок: нужно отвести часть вод реки, затем и выкопать небольшие каналы, которые подадут на поля совсем немного влаги» [Бунге 2004: 331]. Такие же каналы А. Бунге видел на Катуня и Чуе (в нижнем течении), с помощью которых поливались небольшие пахотные земли. В 1840 г. П. Чихачев видел в Курайской степи (в местности Тыттугой) небольшие поля, засеянные ячменем [Чихачев 1974: 407]. Это было самой высокогорной пашней на территории Горного Алтая, расположенной на высоте 1600 метров над уровнем моря.

В первой половине XIX в. традиционное земледелие развивалось среди кочевого населения Левобережного, Чуйского (долины Чолушмана, Башкауса) и других районов Горного Алтая.

Основными орудиями обработки почвы являлись мотыга – *абыл* и местная соха – *андазын*. При помощи абыла разрыхляли почву и выворачивали камни на пашнях. До середины XIX в. при жатве колосья срезали кривым ножом – *оргужем* (на маленьких участках иногда рвали руками), но затем он стал вытесняться серпом. Для обмолота зерна употребляли особую колотушку (*токпок*), изготавливаемую из дерева с утолщением на одном конце. Молотили на разостланной коже, причем в одной руке держали пучок или сноп колосьев, а другой рукой мерными ударами токпока отбивали зерно. Хранили зерно в юртах в кожаных сумках (*кап*) или в специальных круглых ямах (*оро*).

По примерным подсчетам, в 1832 г. алтайские кочевники засеивали 280 десятин пахотной земли (табл. 15). Из них больше посевов имели жители первой алтайской дючины (50 дес.), Южской (50 дес.), Верхне-Кумандинской (40 дес.) и Комляжской (30 дес.) волостей. С общей площади посевов ежегодно получали, в зависимости от погодных условий, от 3050 до 5350 пудов ячменя, 350-550 пудов пшеницы и 900-1800 пудов табака для собственного потребления. Жители северной горно-таежной части Горного Алтая (кроме Комляжской, Южской, Кергешской вол.) засеивали пшеницу, отчасти ячмень, а жители южной горностепной части (дючин, трех черневых волостей) – только ячмень. Посевы табака отмечены в северных черневых волостях.

Таблица 15

Заготовки продуктов земледелия в хороший и «худой» год
(по данным ясачной комиссии, 1832 г.)

Дючины, волости	Площадь посевов, дес.	Ячмень, пуд	Пшеница, пуд	Рожь, пуд	Табак, пуд
1-я дючина	50	600-1000	-	-	-
2-я дючина	5	50-100	-	-	-
3-я дючина	5	50-100	-	-	-
4-я дючина	15	150-300	-	-	-
5-я дючина	10	100-200	-	-	-
6-я дючина	5	50-100	-	-	-
7-я дючина	10	100-150	-	-	-
В.-Кумандинская	40	300-500	200-300	-	100-200
Кузенская	20	200-300	100-150	-	150-300

Южская	50	500-1000	-	-	200-400
Комляжская	30	400-600	-	-	400-800
Кергешская	25	300-500	-	-	50-100
К.-Шелкальская	15	250-500	50-100	-	-
Дючины и шесть волостей	280	3050-5350	350-550	-	900-1800
Тогульская 2-я пол.	80	500-900	-	400-700	-
Н.-Кумандинская	45	800-1200	200-400	-	200-300
ИТОГО	375	4350-7450	550-950	400-700	1100-2100

Источник: РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л.584

По неполным данным на 1859 г. площадь посевов в Горном Алтае составляла 231 десятина [РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 40а]. В целом, размеры посевов в кочевых хозяйствах были небольшими, а система полива, удобрения пашен и состав злаковых культур оставались неизменными.

Промыслы. В хозяйственной деятельности алтайского населения Горного Алтая заметное место занимала охота на диких животных. Свидетельством тому служат записки путешественников и исследователей первой половины XIX в. «Звериная ловля бывает осенью, зимою и летом. Для этого промышленники уезжают в горы, называемые белками; некоторые же отправляются к Саянским горам, примыкающим к Кузнецку и Абакану, и в Енисейскую губернию. В тех горах водятся волки, медведи, лоси, маралы, кабарга, дикие козы, росомахи, ирбиси, лисицы, рыси, горностаи, колонки, белки и известные по доброте и величине соболи. Звериной ловлей занимаются не многие жители. На промысел ходят целым обществом молодые отважные люди и лучшие стрелки; беднейшие участвуют в ловле за плату», – отмечал А.М. Горохов [Горохов 1840: 227]. Кроме того, алтайцы-охотники ловили капканами кабаргу, из меха которой, как и меха козули, шили дохи, а мускус продавали торгующим казакам соседних станиц. О средствах охоты в начале XIX в. отмечено следующее: «Стреляют зверей из ружей с фитилем, также из винтовок и луков или бросают отравы, ловят капканами и пастями по логовищам, и для того держат привычных собак» [Горохов 1840: 227]. К середине XIX в. при охоте на крупного зверя алтайцы употребляли только ружья. Алтайские ружья представляли

собой, чаще всего, переделанные старые солдатские винтовки. Охотники обращались со своими фитильными ружьями очень ловко и умело, могли делать два-три выстрела в минуту. Кроме того, у них имелись ружья меньшего размера для стрельбы с лошади [Радлов 1899: 157-160].

По наблюдениям П. Чихачева, охота давала возможность алтайцам не только уплачивать ясак, но и получать значительную прибыль от продажи некоторых видов животных, например, маралых рогов (пантов) [Чихачев 1974: 426-427]. Немного ранее А. Бунге писал: «Особенно ревностно охотятся на оленей-самцов: их рога приносят главный доход. Когда рога еще молодые и мягкие и покрыты пушком, их очень осторожно сушат, а затем продают поштучно монголам, которые платят за них крупные суммы и отправляют в Китай, где они очень высоко ценятся как лечебное (стимулирующее) средство» [Бунге 2004: 319-320]. Охотничий промысел наибольшее распространение получил в черневом, правобережном и левобережном районах Горного Алтая (табл. 16, 17). По данным на 1832 г. (8-й ревизии), местные охотники в лучшие годы добывали свыше 112 тыс. шкур пушных зверей (белки, лисицы, соболя, горностаи, колонка, бурундука, зайца, хорька, сурка) и других диких животных (кабарги, марала, лося, волка, медведя, росомахи), а в худшие годы – в двое меньше (54,4 тыс. шт.).

Таблица 16

Заготовки продуктов охоты и других промыслов в хороший и «худой» годы
(по данным ясачной комиссии, 1832 г.)

	Звериные шкуры, штук	Рыбы, пуд	Птицы, пуд	Кедровый орех, пуд
1-я дючина	11730-5855	100-50	-	1000-500
2-я дючина	7390-3755	50-25	-	200-100
3-я дючина	6180-3640	40-20	-	400-200
4-я дючина	14905-7580	200-100	-	500-300
5-я дючина	13345-6730	150-80	-	400-200
6-я дючина	4120-2125	30-15	-	300-150
7-я дючина	6175-3690	50-30	-	200-100
Верхне-Кумандинская	6655-3680	100-50	60-30	400-200

Кузенская	6030-3515	200-100	40-20	1000-500
Южская	3730-1920	40-20	30-20	800-400
Комляжская	13255-6625	200-150	100-50	3500-2000
Кергешская	4440-2220	100-50	50-30	1000-500
Кондомо-Шелкальская	13575-6790	150-75	50-30	200-100
Дючины и шесть волостей	111530-58125	1260-690	280-150	9700-5150
Тогульская 2-я половина	7405-3827	50-20	40-20	200-100
Нижне-Кумандинская	18045-9075	300-200	150-100	2000-1000
ИТОГО	136980-71027	1610-910	470-270	11900-6250

Источник: РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042.

Шкуры пушных и других зверей, после уплаты ясака («за очисткой податей»), продавали местным и приезжим торговцам. Ловлей диких птиц (гусей, уток, тетерей, рябчиков и др.) занимались жители черневых волостей, ежегодно заготавливая в среднем от 150 до 280 пудов дичи для «собственного продовольствия» [табл. 17].

В алтайском кочевом хозяйстве важным подспорьем было собирательство. В апреле-мае женщины и дети приступали к сбору лилии (*кандыка*) и сараны (*сарыгай, чомур*). Их корнеплоды выкапывали специальным инструментом (*озун*). Корнеплоды кандыка мыли, нанизывали в связки и сушили. После просушки их мололи на зернотерке или ручной мельнице, из муки пекли лепешки, а крупу добавляли в суп. О важности промысла *кандыка* свидетельствует присутствие месяца кандыка (*кандык ай*) в народном календаре, пришедшего на апрель. Меньшее значение имела сарана, корни которой заготавливали в июне. Среди местных жителей, особенно таежного района и правобережья Катуня, были распространены заготовки черемши (*калбы*), дягиля, дикого лука и чеснока, ревеня и других съедобных растений. Летом собирали также дикорастущие ягоды и лекарственные травы.

Таблица 17

Добыча пушного зверя в хороший и «худой» годы
(по переписи ясачной комиссии 1832 г.)

	Всего	В том числе:				
		Соболь	Лисица	Белка	Горноста́й	Су́рок
1-я дючина	11730-5855	40-20	80-35	10000-5000	400-200	-
2-я дючина	7390-3755	25-15	70-40	6000-3000	-	500-300
3-я дючина	6180-3640	30-15	60-30	5000-3000	-	400-200
4-я дючина	14905-7580	50-25	150-75	12000-6000	500-300	1000-500
5-я дючина	13345-6730	30-15	85-45	10000-5000	100-50	500-300
6-я дючина	4120-2125	20-10	60-30	3000-1500	-	400-200
7-я дючина	6175-3690	25-15	30-15	5000-3000	-	300-200
В.-Кумандинская	6655-3680	-	30-15	3500-200	300-200	200-100
Кузенская	6030-3515	10-5	30-15	3000-2000	200-100	-
Южская	3720-1920	10-10	30-15	2000-1000	-	-
Комляжская	13255-6625	25-10	60-30	10000-5000	200-100	-
Кергешская	4440-2220	40-20	30-15	4000-2000	-	-
К.-Шелкальская	13575-6780	50-25	30-15	8000-4000	400-200	-
Дючины и шесть волостей	111520-54435	355-185	745-360	81500-40500	2100-950	3300-1800
Тогульская 2-я пол.	7405-3827	-	30-15	2000-1000	1000-500	600-300
Н.-Кумандинская	18045-9075	-	80-40	6000-3000	500-300	4000-2000
ИТОГО	136970-67337	355-185	855-415	81500-42500	3600-1750	7900-4100

Источник: РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042. Л. 585.

Значительным источником дохода жителей черневой тайги от Телецкого озера до Катуня и других мест, покрытых кедровыми лесами, являлась заготовка кедровых орехов. В урожайные годы большие деревья давали до 30 пудов ореха. По данным ясачной комиссии 1832 г., промысловики ежегодно заготавливали от 5200 до 9700 пудов кедрового ореха, в основном для продажи (табл. 16).

Рыболовством, т. е. ловлей тайменя, щуки, хайруса, кускуча, карася, окуня, чебака и других рыб занимались жители таежной части региона. Ежегодно заготавливали в среднем от 1260 до 690 пудов рыбы для собственного потребления (табл. 16).

Обмен и торговля. Восстановление скотоводства и промыслов сопровождалось оживлением обмена и торговли между жителями разных районов Горного Алтая, а также с русскими казаками и крестьянами соседних предгорных станиц и сел. «Рогатый скот нередко скупают и у двоеданцев, и потом перепродают его гуртом русским купцам, в большом количестве. Скот этот распродается также по прилегающим к Алтаю заводам и рудникам, а лошади нередко высылаются на продажу и в Пермскую губернию... Калмыки [алтайцы – *Н.Е.*] выменивают также у двоеданцев портищами, мерою 7-8 аршин, небольшое количество серебра и китайский курительный табак. Сами же доставляют юфти, соболей посредственной доброты, шелковые и бумажные платки, кремни, укладь, железо, сукно, медные деньги, стеклянные корольки, серу и некоторые из европейских мелочных вещей, которые покупают, или выменивают у русских купцов. Все означенные статьи торговли идут у тех и других для домашнего обихода. А небольшие излишки меняются и продаются: калмыками русским, а двоеданцами монголам, расположенным на караулах по границе», – писал А.М. Горохов [*Горохов* 1840: 226-228].

По наблюдениям В. Радлова, часть жителей селений, расположенных в верховье Бии, переправляли «к Чолышману и до китайской границы, к сойонам русские товары». В обмен они получали шкуры, войлок и пушнину [*Радлов* 1989: 216]. Богатые алтайцы-скотоводы, имевшие большие стада, продавали приезжим и местным торговцам лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Одной из существенных статей дохода богачей служила продажа рогов (пантов) маралов. В записках А. Бунге приводится случай, когда в долине Ейлагуша местные охотники убили двух маралов-самцов, затем рога (панты) продали теленгитам, живущим около

монгольской границы, «за 25 штук синей хлопчатобумажной материи – «китайки», причем штука считалась дороже 5 руб.» [*Бунге* 2004: 333].

В первой половине XIX в. при оценке цены товаров наиболее употребительным денежным эквивалентом служил «баш» (голова), равный цене одной овцы примерно в 4-5 руб. Так, тоненький кирпич чая стоил один баш, а толстый – два баша, кусок синей хлопчатобумажной ткани – один баш. А российские медные деньги ценились алтайцами больше как товар, используемый в качестве украшения к женскому поясу. В торговле между алтайцами левобережья Катуня и чуйскими теленгитами основной единицей служил также «болчок», который соответствовал 5 китайским лянм [*Бунге* 2004: 307].

В меновой торговле жителей горно-таежной (черневой) части Горного Алтая основными продуктами являлись пушнина и кедровый орех. Так, в первой половине XIX в. заготавливаемый в черневой тайге кедровый орех алтайцы сбывали жителям Кольванских фабрик и г. Бийска. Для перевозки груза осенью снаряжались караваны примерно из 15 лошадей, груженных орехом. В обмен приобретали ячмень, табак и другие припасы [*Потанин* 1859: 95].

Во второй четверти XIX столетия, местная региональная торговля заметно оживилась. К тому же по Чуйской вьючной дороге, начинавшейся от г. Бийска и заканчивавшейся в первое время около Красной горки (устье р. Чаган), затем – в местности Кош-Агач Чуйской степи, началась торговля с Западной Монголией. Торговля способствовала возникновению сети оседлых населенных пунктов (сел): Алтайское, Черга, Шебалино, Онгудай, Хабаровка, Кош-Агач.

Положение Горного Алтая как аграрно-колониальной окраины Российской империи определило социальную структуру его населения, в которой абсолютно преобладали представители двух сословий: инородцев и крестьян. В целом, период со второй половины XVIII в. до середины XIX в. можно охарактеризовать как начало интеграции кочевников Горного Алтая в административно-политическую и социально-экономическую систему Российского государства.